

Знаки узнавания

*Её признал я сразу, в тот же миг —
По некой светлой силе, по походке.*

Так говорит лирическое "я" Иманта Зиедониса в "Поэме о молоке", которую он посвятил матери и "жизнестойким девам". Между прочим, послесловие к поэме в 7 томе избранных сочинений И. Зиедониса "О молоке, хлебе и пережитом" написала специалист и в вопросах поэтики Вайра Вике-Фрейберга, ещё не будучи президентом Латвии. На этот раз пусть останется открытым вопрос — о какой именно из "жизнестойких дев" говорится в приведенной цитате. Важнее конкретики на этот раз кажется вопрос о принципах и знаках узнавания вообще.

Откуда мы можем её знать, когда она жила там, а мы — здесь? Ну, если говорить о Вайре Вике-Фрейберге, то задолго до её возвращения в Латвию "насовсем" многие в Латвии знали её по работе, статьям, а затем и книгам. Имя её было известно в Латвии всем, кто так или иначе был связан с гуманитарными знаниями, имея в виду не только фольклористику и психологию. Прочитавший хотя бы одну её статью не упускал случая ознакомиться и со следующими. Читателей привлекала и оригинальность мышления, и метод, которым она владеет настолько превосходно, что кажется — он создан специально для неё. Структурализм — таково название этого метода — помог Вайре Вике-Фрейберге не только разобраться со структурой дайн, но и схватить их дух и передать свои открытия столь убедительно, что воспринять сказанное может каждый, независимо от теоретической подкованности. Это свойство настоящего учёного. Вспомним Альберта Эйнштейна, говорившего коллегам: чего стоят все ваши теории, если их суть вы не можете растолковать за несколько минут любой домохозяйке? Эта реплика Эйнштейна отнюдь не ставит под сомнение ни престиж теории, ни престиж домохозяйки.

Изучение фольклора предопределило для неё поворот к теме национальной идентичности, представляющей собою не только научную или теоретическую проблему, но и ткань самой жизни. В свою очередь эта тема связала Вайру Вике-Фрейбергу одинаково прочно с соплеменниками в Латвии и латышской эмиграцией; открылось, что в нас очень много общего. Слишком много для того, чтобы мы остались чужими друг другу, — это была бы невозможная потеря для обеих сторон.

Из биографии Вайры Вике-Фрейберги видно также, что всю сознательную жизнь она, находясь на чужбине, с удивительным постоянством и верой жила в ещё одном измерении и перспективе: в независимом латвийском государстве. Это поразило меня больше всего при знакомстве с её работами. Латвия отнюдь не единственная страна в мире, территория и народ которой входили в различные государственные образования. Латвия жила в душе каждого (допускаю, что и не латыша, если предки его жили здесь из поколения в поколение), но я всё-таки принадлежу к той части молодёжи советских лет, для которой затонувший Замок света (подразумевая под этим потерянное латвийское государство) мог воскреснуть разве только символически, в думах и чувствах, на Праздниках песни, когда могучий хор исполнял музыку Язепа Витола на стихи Аусеклиса "Замок света". Да, это чувство в каждом — не только в хористах на Большой эстраде, но и в тысячах слушателей умели пробудить и вызвать наружу с волшебной силой главные дирижёры Праздников песни Харалдс Меднис, Янис Пуминьш, Имантс Кокарс, Эдгарс Рачевскис и другие.

Но я бы солгала, если б сказала, что не встречала в то время прямо здесь, в Советской Латвии, людей, так же одержимых этой идеей, как академик Вайра Вике-Фрейберга, —

только одержимость эта выражалась в несколько других формах и нормах. В детстве, когда после "картофельной" толоки соседи садились за общий стол и засиживались допоздна за кружками домашнего, самодельного ячменного пива (звучит, точно бы из прошлого века, да? Из прошлого века и есть), обычно от души бывали спеты и перепеты все песни "запретного" репертуара, начиная с "Я про тебя спою, моя Отчизна!" и кончая песней Яниса Стейкиса "Вот плоть и кости. Вот наш дух и сердце..." Пели люди, помнившие независимую Латвию, воевавшие под разными знамёнами, почти у каждого кто-нибудь из родни был далеко, на чужбине. Когда голоса окончательно разогревались, между песнями начинали звучать пророчества (правду говоря, не так чтобы на безупречном литературном языке): "Попомните мои слова — так не может остаться, или англичанин, или американец спохватятся!" Слушатели внимали — кто с восторгом, кто скептически. Такого рода дискуссиями кончалась едва ли не каждая толока, если хозяин не скупился на пиво (Янов день, вернее, предыдущая ночь, тоже собиравшая в дом родню и соседей, обходилась без этих разговоров, и на то была своя причина). В сравнении со сведениями, получаемыми тогда в школе, всё услышанное казалось совершенно невозможным, и я ужасалась про себя: ну как нормальные люди могут так рассуждать, хотя бы и под градусом! Им не хватает настоящих знаний! — решала я совершенно пионерски. Многие из этих людей так и сошли в могилу с убеждением, что "так не может остаться". И оказалось, они были правы. То была моя первая школа в теориях дискурса, — хотя в научном лексиконе Латвии само это слово появится лишь лет через тридцать.

Насколько я могу судить, здесь скрыт ответ на вопрос, почему столь занятая академической деятельностью и столь, что уж говорить, видная особа, как Вайра Вике-Фрейберга, так часто занималась "хождением в народ" — начиная с летних лагерей "Дважды два" и "Трижды три" и кончая выступлениями по случаю дня провозглашения Латвийского государства в разных концах света. Стоило ей это делать? Стоило. То было взаимное обогащение — и для слушателей, и для оратора. Вике-Фрейберга отыскала своё поле деятельности, способ развивать в людях человеческое и государственное самосознание, причём выступала она обычно совершенно безвозмездно, не мешая записным политикам.

Здесь, может быть, найдётся и ответ на вопрос — почему ни один из так называемых малых народов не выработал тотальной, я имею в виду, демагогической идеологии. Мы слишком хорошо знаем друг друга, чтобы нужно было искать в энциклопедии, кто есть кто. Это и преимущество небольших народов и в каком-то смысле изъясн, ибо большая политика обычно находится в тесной связи с демагогией.

За всем, что происходило после избрания нового президента, пристально наблюдала, можно сказать, вся Латвия. Мне, работая над книгой, чисто по-человечески было интересно поговорить об этом с представителями культуры Латвии, прямо не связанными в настоящее время с политикой, с людьми, к суждениям которых я всегда прислушивалась, — как они сегодня видят Вайру Вике-Фрейбергу, как связана, по их мнению, нынешняя её деятельность с предшествующей?

Кто-кто, а поэт Имант Зиедонис должен хорошо знать Вайру Вике-Фрейбергу. Они вместе работали в Институте Латвии, тот и другая читали и прочитывали по-своему дайны, хотя каждый на своём континенте. И мы договорились с поэтом о встрече. Первая его фраза была именно такой, какую можно было ожидать от Иманта Зиедониса: "я незнаком с президентом". После паузы: "Когда-то я был знаком с Вайрой". Я только-только успела добавить, что тоже почти незнакома с нею, — в последнее время и вижу только на телеэкране. Да и раньше наше знакомство ограничивалось текстами, встречами на конференциях и других собраниях, которые она почтила своим присутствием. Между

прочим, однажды журналисты Сармите Элерте и Айварс Озолиньш спросили Вайру Вике-Фрейбергу. "В интервью, которые Вы давали до сих пор, есть некий оттенок — как бы психологической терапии для народа. Вы это делаете сознательно?.." То же ощущалось не раз в профессиональных разговорах о литературе: Вайра Вике-Фрейберга всегда умела привнести некоторую психотерапевтическую коррекцию и в общение с тем народом, который именуют академическим сообществом.

Итак, 6 июля 2000 года мы встретились с Имантом Зиедонисом под сводами Музея природы, в кафе Лилиты Постажи, а дальше... Дальше я едва успевала записывать.

*Нас в то время любили называть публицистами, и она меня привлекла как публицист, пишущий для латышской тира. Пониманием народных судеб, железной последовательностью в речах и постановке вопросов — от речи к речи, из года в год. Не скажу, что я прослеживал это всё хронологически, но в общем за тем, что делают живые умы в зарубежье (я подчёркиваю — **живые умы**), мы следили внимательно. По газете "Дзимтенес Балсс" и по тамошней прессе. Привлекало взвешенное спокойствие, царившее в её патриотических речах, я понял так, что этот покой происходит от глубокой убеждённости. Ибо, если человек о чём-то скверном говорит спокойно, тому могут быть только два объяснения — или он негодяй и насмехается над людьми, преспокойно говоря гадости и наслаждаясь этим, может быть он убеждён в своих негациях, или же, он один из избранных, — и за выступлениями, статьями, за всем сказанным Вайрой Вике-Фрейбергой я всегда ощущал сильное обеспечение. Какие-то глубокие пласты, из которых она черпает убеждённость. Простейшее объяснение — серьёзное классическое образование, но была ещё одна глубина, мирная и бездонная, из которой могла происходить эта убеждённость — знание народной жизни. Узнавая из газеты "Яуна Гайта", что Вайра Вике-Фрейберга опять была в летнем лагере "Трижды три" или на каком-то сборище, где все более или менее валяют дурака (как на тусовках детей и подростков) и что она, сколько мне известно, не слишком склонная ко всяким безумствам, во всём этом участвует, я понимал — это о чём-то говорит. Это говорит о том, что она осознает значение ритуала. О способности хранить и пестовать ритуал и осознании того, что делать это следует. Народный, мистический ритуал, я имею в виду. Его нужно сохранять независимо от бытовых обстоятельств момента.*

Лично я познакомился с нею здесь, в Риге, иногда мы в Юрмале прогуливались, фотографировались. Тут была приятность и эстетического порядка — она красивая женщина и умела быть довольно милой, когда ещё не была президентом. Вся эта спокойная мудрость и спокойное обаяние.

В последнее время, когда мы работали в Институте Латвии, уже после возвращения Вайры в Латвию, и в её речи на церемонии вручения премии Спидолы в Рижском Латышском обществе мне импонировала и её резкость — при всём спокойствии она умела сказать публике довольно тяжёлые политические вещи. Так оно было и с Институтом Латвии: приходилось ходить по министерствам, где её почти не знали, и чиновникам была явно чужда её академическая, интеллектуальная хватка. Она никогда не давала в обиду интеллект, не позволяла унижить интеллектуальное суждение какому-нибудь невежде, бюрократу, формалисту. Она в такой разговор попросту не вступала, а это признак силы. Не подчинялась она и субординации Министерства иностранных дел, так как понимала общественное назначение Института Латвии и не позволяла навязать ему партийный диктат, партийные позиции. Она пришла уже с хорошим дипломатическим багажом. Чтобы устоять перед чиновничьим диктатом, это необходимо. Должен признаться, сам я этого бы не смог, мне не хватает этого дипломатического спокойствия — я становлюсь драчливым, а это не способ улаживать

подобные дела. И после очередного похода по министерским кабинетам, на ступеньках казённого крыльца мы могли улыбнуться и пошутить. Эта политическая самостоятельность и дипломатические способности проявляются и в её сегодняшних шагах.

Почему мы, очень небольшая группа людей (ещё меньшая, чем число подписавшихся под известным письмом) заварили это дело? Не могу говорить за других, но, по-видимому, мотивация была — Латвии наконец-то нужен президент, могущий её представлять. Необходимый патриотической Латвии, необходимый интегрированной в мир Латвии. Мне кажется, Вайра Вике-Фрейберга — человек, понимающий не только процессы глобализации; при понимании же процессов глобализации сами собою становятся ясны место и время Латвии в этой композиции. Становится понятно, где и как Латвия может включиться в этот процесс, где может играть коллегиальную роль, быть хорошим партнёром и высветить собственную самобытность. Но путь народа и государства определяют не только глобальные горизонтальные векторы, не только интерглобальная информация, но и присутствие космических связей; я тут не хочу распространяться о том, что такое космические связи и их понимание. Для обсуждения этой материи понадобилась бы многодневная конференция. Но у меня было убеждение, что Вайра глобальные процессы цивилизации, назовём их горизонтальными процессами, очень хорошо понимает в их взаимосвязи с вертикальными процессами, вертикальной информацией, всеобъемлющими энергиями, информационными потоками, определяющими мировую эволюцию. Как она овладела этим невербальным знанием и, быть может, этим знанием "освящена" ("освящена" поставьте в кавычки, заметил собеседник не без ехидства). Нам человек такой миссии нужен. Такова была моя внутренняя мотивация. Можно назвать её также убеждением или иллюзией, это покажет время. Видишь ли, тогда, в преддверии выборов, другой подобной фигуры ты не обнаружили. Я не хочу вдаваться в обсуждение альтернативных кандидатов, судить о том, что в них было, чего не было. Мы, та малая группа, начали с того края, который у нас был и есть.

У меня нет ни малейших сомнений, что процесс этот, то есть выборы президента, был под покровительством какой-то высшей силы, так же как не объяснима линейной логикой и гарантирована высшей силой была наша Атмода. Президентство — время исполнения миссии, вручённой народом, и дай Вайре Вике-Фрейберге Бог, чтобы с ней в эти годы оставалось присутствие добрых духов и воли народной.

Как видишь, я знаю её только стратегически, в плане народной судьбы. В чисто личном плане ей присущи все наилучшие и все худшие свойства истинной аристократки. Комплекс очень интересный, ведь при всём аристократизме в ней есть ещё и некое экзистенциальное чувство меры. Но тут я уже перехожу границу, до которой мне позволено судить, тут начинаются ощущения сугубо личные, за чертой нашего стратегического знакомства.

Разговор продолжался около двух часов, за окном начался дождь, но у Зиедониса был с собой зонтик. До гостиницы "Roma" ("Рим") одного зонтика на двоих хватило. Дальше наши пути разошлись; перед тем, как попрощаться, я напомнила, чтобы он не забыл передать привет Аусме Кантане²⁶. Мой собеседник ответил довольно мрачно, что Аусма от него устала. У меня появилась причина спросить, не слышал ли он недавно по телевидению ответ Лив Уллман на вопрос журналиста, почему она как режиссёр пригласила сняться в своём фильме Ингмара Бергмана, — разве она не успела от него устать? Та ответила: "Это привилегия — не каждому дано уставать от Ингмара Бергмана". Прощаясь, Имант Зиедонис пытался уверить меня, что не знает, кто такой Ингмар Бергман.

Относительно контактов художницы Джеммы Скулме с Вайрой Вике-Фрейбергой я не была так уверена. Что ещё до начала президентства они наверняка встречались и, по меньшей мере, имели случай обменяться вежливыми фразами, было ясно: не могло же случиться так, чтобы пути двух столь выдающихся женщин ни разу не пересеклись. Но может быть, их связывает и нечто большее? Приблизительно в одно время, начиная с семидесятых годов, их мог объединять, хотя бы и на расстоянии, углублённый интерес к латышским народным песням. Художник Джемма Скулме в Латвии переводила их на язык современного искусства, а профессор психологии Монреальского университета Вайра Вике-Фрейберга — на язык современной науки. В семидесятые годы в живописи Джеммы Скулме один из новых и самых ярких мотивов — "Кариатида", и позднее этим, античного происхождения, словом она назвала целый ряд своих работ, посвященных девушкам-латышкам. Кариатидой в архитектуре античности и затем Ренессанса называют женскую статую, скульптуру, которая одновременно поддерживает балочное перекрытие и выполняет декоративные функции. Если же говорить о кариатидах в живописи Джеммы Скулме, в них можно увидеть и автопортрет художницы, и отражение латышского архетипа в образе женщины наших дней. Женщина, поддерживающая устои мира — одновременно глубоко архетипический, народный, государственный и феминистский мотив. Интуиция меня не подвела.

Джемма объяснила, как до неё добраться: "Из центра в Межапарк вас приведут трамвайные рельсы. Потом свернёте на улицу Стокхолмас, пройдёте ещё немного вперёд и увидите дом с очень красивым садом. Устроенным по новейшей моде — с газоном, розами, скульптурами. Мой дом будет следующим, сразу за тем роскошным садом". Описание показалось мне интригующим. Каков же сад самой Джеммы Скулме, если учитывать, что садоводство никак не является её основной профессией?

Сад оказался чудесным. Казалось, он вообще не тронут рукой человека, — зеленеет и цветёт сам по себе. Особенно пышно у самого входа в дом разрослись астильбы, сплошь цветущие. Буквально за несколько дней до этого в Художественном музее открылась выставка работ художников рода Скулме, вернувшаяся из Москвы, из Третьяковской галереи. Это дело было завершено, и теперь Джемма могла подумать и о нашем разговоре.

Пересмотрела свои заметки о разного рода событиях, начиная с 1969 года. Вернее сказать, свои размышления о них. Перечитала письма Велты Томы, я ведь через неё и познакомилась с Вайрой. Я читала о Вике-Фрейберге всё, что могла найти в нашем зарубежье. Читала во время заграничных вояжей, поэтому у меня впечатление, что знаю Вайру с семидесятых годов. Но, поблуждая в своём бумажном хаосе, обнаружила, что познакомилась мы только осенью 1982 года в Риге. Я располагала полной информацией о Вайре и Иманте, о совершённом ими к тому времени (от Велты Томы, от Булманисов, Аше, Лиепиней из Торонто, а также из Нью-Йорка, от Яниса Креслина).

В те годы меня особенно интересовали люди, умевшие увидеть латышскую народную песню в масштабах мира, вечности, Вселенной, в общечеловеческих связях. И в то же время я искала ответ на вопрос, что есть в нас и только в нас — почему оно так случилось, как это вышло, что я это ощущаю и в себе тоже. Где ключ к этому чуду? Я пыталась нащупать источники. Но ещё большие меня интересовали процессы, происходящие, когда человек творит, когда и сама творю (Джемма попросила последнее слово "закавычить", но я не вижу в этом необходимости) и — как они связаны со всем тем, что порождено фольклором. Интуитивно я это чувствовала, но мне не с кем было обсудить всё связанное с названной зоной творчества (в какой-то мере мы касались этой материи разве только с Имантом Зиедонисом). Первый разговор с Вайрой проходил в моей мастерской, должно быть, осенью 1982 года. Я была внутренне готова к этой встрече. Визуально она была в чём-то тёмно-синем, воротник или что-то похожее было белым, насколько можно судить, это почти непрменный атрибут её одежды, а впрочем, это неважно. Как

человек земной, Вайра немедленно приступала к делу, острым глазом мгновенно схватывая суть и, разумеется, подтекст.

Сидящая девушка на моей картине в национальном костюме из Абрене держала над головой девичий венок²⁷ — будто не решаясь ни снять его до конца, ни надвинуть глубже. Это заметила и объяснила мне (меня саму!) Вайра. На холсте были и другие женщины — вроде открывавшие виллайне²⁸, вроде бы наряжавшие невесту. Моя гостья так мастерски раскрывала скрытое содержание, — я была поражена тем, что, работая интуитивно, я нашла вещи, подтверждаемые теорией. Осмеливаюсь думать, что и Вайра, видя, как я работаю, получила какое-то подтверждение своих открытий. Целое богатство знаний и выводов уже содержалось в ней, и в моей мастерской Вайра на самом-то деле искала и в какой-то мере нашла себя самой. Мы понимали друг друга с полуслова, ключ был у меня в руках, и душа моя тоже наконец открылась. Я показала всё, выложились перед ней до конца. Был там зверски написанный портрет Ояра [Ояра Аболса], была девушка с сорванным венком, изнасилованная.

И в следующие встречи наши разговоры продолжались, я больше спрашивала, она отвечала. А там пришло время, когда я понемногу стала уходить (визуально тема была исчерпана) от изображения к тому, что выразимо словом. Начались довольно трудные дела, связанные с событиями, всем известными. [Джемма Скулме всегда была человеком ярко выраженного общественного темперамента: председатель правления Союза художников, народный художник Латвийской ССР, лауреат Государственной премии СССР, депутат Верховного Совета СССР, активистка Народного фронта, почётный член Академии наук Латвии, президент латвийского Фонда творчества; под "всеми известными событиями" подразумевается, думаю, политическая активность художницы в годы Атмоды.] Осознала ли Латвия по-настоящему, что сделано Вайрой и Имантом? Уже это одно давало ей право на её речь и статью "Уж такие мы есть", вызвавшую у столь многих шок. Однажды мы обсудили резонанс, вызванный этимopusом в латышском обществе. С тех пор я поняла, что её взгляд на вещи способен изменить нашу историю.

В 1990 году в Лугано в дни Райниса и Аспазии довелось допоздна быть в обществе Вайры и Иманта. В тогдашних наших беседах царила уже политика, говорили о том, что сделать для выживания народа. [Тут художница показала мне дорогой и значимый сувенир, память о форуме в Лугано: адресованный депутату Верховного Совета Джемме Скулме призыв, о котором уже упоминалось выше: "Настало время провозгласить независимую Латвию!" с четырнадцатью подписями; эта "прокламация" подписана однажды вечером гостями Вайры Вике-Фрейберги, прибывшей из Канады, и произошло это за две недели до принятия декларации о восстановлении независимости Латвии 4 мая 1990 года.] Её мышление выстраивалось годами, там заложен мощный фундамент. Она мыслит иначе, чем мы, и в этом большое преимущество. Её слово направлено точно в цель, тут нет и тени пустословия, которым мы все так грешили в советское время. Просто наслаждаешься, видя эту интенсивную работу ума. По-настоящему нашим государственным мужам нужно бы стыдиться перед президентом за свою расхлябанность, невоспитанность, цинизм, очевидное властолюбие.

До прихода Вайры было ощущение, что должно произойти некое гармонизирующее событие, должна явиться личность, и притом именно женщина. Судьба нам послала такую личность, мы враз были подняты на новый уровень, и нам следовало бы это ценить.

В советское время Вайра Вике-Фрейберга была принята как своя в академической среде, и потому я решила поговорить с кем-нибудь из академиков, знающих Вайру Вике-

Фрейбергу с давних пор. Итак, спрашиваю Виктора Хаусманиса: как вышло, что, будучи главным редактором энциклопедии "Латышская литература в биографиях" (1992), статью о В.Вике-Фрейберге взялся написать он сам, — ведь ничего не стоило привлечь к этому любого другого из двух с лишним десятков авторов книги? Виктор Хаусманис усмехнулся в бороду: "Ну, зачем же кого-то другого?" И передал мне сделанные этим летом заметки о Вайре, присовокупив к этому, что так её называть уже не следовало бы, ведь она президент Латвии.

Во всяком случае, она очень умный человек с широким кругозором, высокой степенью интеллигентности и культуры. Но всё же есть одно свойство, которое в ней мне хотелось бы поставить выше всех прочих — это её подлинная, непритворная сердечность, истинная человечность, я это понял уже при первой нашей встрече в Канаде, в Монреале, где она тогда жила. Ассоциация балтийских исследований в 1984 году проводила очередную конференцию, и Руководить ею было поручено Вайре Вике-Фрейберге. Надо напомнить, что это было за время и какова была тогдашняя ситуация. Прямым ходом в Канаду проехать было, конечно же, нельзя, требовалось благословение Академии наук в Москве, затем надо было пройти инструктаж в Центральном комитете партии, где два дядьки с угрюмыми лицами пугали нас шпионами и провокаторами, которыми нас окружают. В Монреале — ничего подобного. Там я познакомился с руководителем конференции Вайрой Вике-Фрейбергой — она была совсем молодая тогда, улыбочивая, сияющая, элегантно одетая. Подошла, подала мне руку, и возникло ощущение, будто мы с ней уже давно знакомы, столь простым, искренним было её отношение. В то время в так называемом свободном мире наши соплеменники были весьма разными. Были такие, что, завидев меня, усмехались презрительно и отказывались протянуть руку: ну как же, я прибыл из Советской Латвии — из советии. В придачу в местной газете, если не ошибаюсь, "Латвия в Америке", поместили список учёных из Латвии, приглашённых на конференцию, и все мы были названы там агентами Чека. В тот раз в Канаду не смог приехать музыковед Арнолд Клотиньш, кажется, он не получил разрешения на выезд; его, так же, как меня, обозвали агентом или чем-то в этом роде. Вайра Вике-Фрейберга наверняка читала эту статью, но она стояла выше всех этих сплетен, не обращала на них внимания: мы были учёные из Латвии, и она подходила, чтобы пожать нам руку, не формально, а искренне, — уже в то время она понимала, что всем нам нужно вместе работать на благо Латвии.

Дружба Вайры Вике-Фрейберги выражалась не только и не столько на словах, сколько в совершенно практических действиях. В разговоре с нею я упомянул, что меня особенно интересует театр. Сказано — сделано! Вместе с Имантом они нас — ещё там был тогда профессор Хенрик Стродс — пригласили на спектакль в некий зал, где сначала подавали роскошный ужин, а уж потом следовало представление. В тот раз с нами был также сын Вайры Карлис, славный, сердечный юноша. Блюда предлагались на выбор, впервые у нас была возможность попробовать даже лягушачьи лапки, от которых я всё-таки благоразумно отказался. Автор пьесы был Алан Эйкбурн, называлась она "Условно говоря" — это была смешная, не слишком глубокая комедия. На том наши театральные впечатления не окончились. В те времена в Латвии не были известны так называемые "малые театры". В газете я вычитал, что в каком-то кафе показывают комедию Карло Гольдони "Хозяйка гостиницы, или Мирандолина". Сагитировал Иманта и Вайру отправиться туда — кафе располагалось довольно далеко, на окраине Монреаля, кое-как в одиночку добрался до него; перед началом спектакля появились и Фрейберги, — оказывается, они не сразу нашли кафе, почти заблудились. И потом мы смотрели представление, проходившее на крохотной сцене; зрители, сидя за столиками, прихлёбывали кофе или вино. Спектакль нам понравился, и, к моему удовольствию, Вайра и Имант признались, что такой маленький театрик им в Монреале пришлось посетить

впервые.

Моё недолгое пребывание в Канаде подходило к концу, нужно было думать о возвращении, хотелось купить какой-нибудь сувенир — валюту тогда обменивали очень скупо, по норме. Наверное, так не полагалось, но я спросил Вайру, где я мог бы приобрести сумочку для жены. "Всего-то и забот? Пойдёмте, я отведу вас в приличный и не слишком дорогой магазин". И мы ехали, шли, и магазин был найден, сумочка куплена. Мелочь? Может, и мелочь, но эти эпизоды, мне кажется, очень хорошо характеризуют Вайру Вике-Фрейбергу она ведь могла и не пойти со мной, отговориться занятостью, но она всегда была готова помочь.

После этого мы встречались с Вайрой Вике-Фрейбергой на конференции по балтистике в Стокгольме, на собрании райнис-тов в Лугано — уже как друзья, как старые знакомые.

Вайра Вике-Фрейберга и Имант Фрейберг начали ездить в Ригу, часто заходили к нам в институт, так как их особо интересовали наши богатейшие собрания фольклорных записей. Было ещё так называемое советское время, когда на тех, кто ездил в Латвию, косо смотрели в эмиграции, даже обзывали их "розовыми". Не знаю, как было с В. Вике-Фрейбергой, но к профессору Велте Руке-Дравине такую бирку прицепили. Вайра Вике-Фрейберга попросту не обращала внимания на всю эту чепуху — главным для неё были наука, совместная работа, Латвия и человек.

Припоминаю ещё один небольшой эпизод, когда лишний раз проявились сердечность и чуткость Вайры. Была конференция, посвященная 125-летию со дня рождения Райниса, проходила она в большом зале Академии наук. Один из докладов должна была читать наша специалистка по творчеству Райниса, но она перенервничала и как бы "перегорела": начала доклад, потом загнулась, сказала "Я больше не могу!" — и покинула зал. Возникла неловкая пауза... Вспоминаю, с каким участием в перерыве хлопотала над ней Вайра — в ней, казалось, говорила и заботливая мать, и опытный психолог. Она умеет помочь.

Ещё один случай. Профессор Вайра Вике-Фрейберг в очередной раз приехала в Латвию. Не помню, какой это был год, где-то в восьмидесятых. Тогдашний академик-секретарь Академии наук Вилис Самсонс в честь гостя организовал поездку в Рундальский дворец. На обратном пути мы заехали в Баусском районе в колхоз, где уже ждал накрытый стол. Был тёплый, погожий день, — начало мая. Хозяева наполнили бокалы шампанским, и Вилис Самсонс призвал всех поднять бокалы — за победу Советского Союза. 9 мая тогда и в Латвии отмечался как день Победы. Вайра Вике-Фрейберга спокойно выслушала сказанное, ни словом не возразила, но к своему бокалу не притронулась. И тогда я понял, как тонко и элегантно по-настоящему интеллигентный человек может выразить своё отношение к происходящему.

Как я уже говорил, Вайра Вике-Фрейберга была частым гостем в нашем институте; мы считали её своей. Нужно заметить, она никогда не старалась подчеркнуть свою эрудицию или вес, вела себя, как равная среди равных. В тех случаях, когда в зале Академии наук она сообщала о своих изысканиях в области латышского фольклора, можно было вполне оценить размах её мышления. Вайра Вике-Фрейберга не старалась подавить слушателей обилием иностранных слов или сверхсложными формулировками, мысль её была очень ясной. Могло показаться, даже простой, но как раз в этом обстоятельстве скрывалась её сила как учёного — замечательное умение просто говорить о сложнейших проблемах. Чтобы достичь такого умения, нужно владеть материалом до самых заветных глубин. И тогда является эта видимая простота — без каких-либо упрощений.

Верю Вайре Вике-Фрейберге как президенту, главное же — верю ей как человеку. Он прошла суровую жизненную школу, все её достижения добыты трудом, и высшим достижением стала выпестованная ею человечность.

Договариваясь с Кнутом Скуениеком о встрече, я убедилась, что и поэты могут быть людьми дисциплинированными, даже очень, я размышляла о героине своей книги, и возникло желание поделиться впечатлениями о ней с её современниками и — в том или ином смысле — соратниками, свидетелями (может быть, и нечаянными) её шагов и успехов. Людям, к которым я чаще всего обращалась мысленно, начиная работу над книгой, я послала, так сказать, просьбы о свидании. Было время перед праздником Лиго, когда рижане уже мечтают об отпуске, о том, чтобы припасть к груди матери-природы, — тем не менее все откликнулись, и самым первым было ответное письмо от Кнута. Чтобы дать какую-то отправную точку для размышлений, я присовокупила к своим обращениям ряд конкретных вопросов.

Кнут Скуениекс начал с преамбулы, послужившей как бы лейтмотивом дальнейшего:

Нашего президента я по-прежнему называю Вайрой. Это не фамильярность и не снобизм. И, если именно так называют её до сих пор многие в Латвии, то, по-моему, её авторитет от этого не страдает. Как раз наоборот. Для меня она — коллега, выполняющая в данный момент трудную и ответственную работу.

Далее Кнут Скуениекс педантично ответил на все вопросы, ответы свои даже пронумеровал. Как человек, прошедший политическую закалку, он не уклонился и от ответа на вопрос о самых успешных и, быть может, менее успешных действиях президента в первый год её новой деятельности. Оценивая первые шаги В. Вике-Фрейберги в политике, Кнут Скуениекс позволил себе быть откровенным и критичным, упомянув конкретные события, на которые, по его мнению, президент могла бы реагировать иначе. Однако он же был тем человеком, кто отчётливее всех заявил: она — мой Президент.

Первый вопрос. Когда и в какой связи Вы впервые встретились с именем Вайры Вике-Фрейберги, с ней самой, каким образом она оказалась в Вашем поле зрения?

С Вайрой я знакомился постепенно. Как оно и подобает человеку пишущему, я сперва обратился к её публикациям. Кажется, для начала это была статья в журнале диетуров "Латвиетис" — о латышских народных песнях с образцами в переводе на английский. Затем была "Яуна Гайта" и полемика с консервативными кругами эмиграции. Затем — беглое знакомство во время одного из её визитов в Латвию. И затем мы встречались с нею и с Имантом многократно и в Латвии, и в других местах — в Торонто на Празднике песни, в Лугано на конференции, посвященной Райнису. Обменивались публикациями и книгами. Встречи обычно бывали короткими — я избегал пространных бесед, зная, как она занята. Зато с большой радостью слушал её академические лекции и патриотические речи. И, разумеется, следил за её публикациями.

Второй вопрос. Вайра Вике-Фрейберга и латышские даины.

Говоря о Вайре как фольклористе, мне кажется, главнейшим следует признать проект компьютеризации собрания "Латышских дайн" Кришьяниса Барона. Вайра — творческая душа этого коллектива. Огромные собрания фольклора без современной информатики грозили обратиться для латышей в мёртвый капитал, с поверхности которого каждый,

впрочем, мог зачерпнуть свою субъективную толику. Классификация Барона была в своём роде гениальна, но она же превратила тексты песен как бы в прекрасную лирику. Для функциональных исследований необходимы другие подходы. И так возникли "Солнечные дайны" и, к сожалению, незаконченная Солнечная трилогия. Не теряя надежды, терпеливо будем ждать третью монографию.

Неоценимый вклад — и организованный Вайрой сборник статей Poetics and Stilistics of Latvian Folk songs *, уже успевший войти в международный обиход. К анализу народных песен она прилагает свой солидный опыт психолога, — латышская народная

песня подобный подход позволяет. В ходе академических чтений Вайра не цитирует тексты песен — она их поёт, и поёт красиво. Приход Вайры в нашу фольклористику — словно дуновение свежего ветра.

Третий вопрос. Десять высказываний о Вайре. Какая она?

Вайра обаятельна, — это не только комплимент, но и чистая правда.

Вайра дружелюбна и всегда готова помочь как делом, так и советом. Это я знаю по собственному опыту.

Вайра терпима по отношению к различным политическим и религиозным воззрениям.

Вайра коммуникабельна. Легко и быстро она находит общий язык с самыми различными людьми. Вайра самостоятельна и постоянна в своих взглядах и умеет их защитить.

Вайра проста. Там, где есть возможность обойтись без официальных церемоний, она с удовольствием без них обходится.

Вайра предприимчива. Будь иначе, разве согласилась бы она на эту должность?

Вайра остроумна, я подразумеваю под этим и остроту ума, и остроумие. Она умеет сходу схватить суть вопроса и точно сформулировать ответ.

Вайра критична по отношению к себе, а также и к другим.

Вайра идеалистка — в нашей элите редкая птица.

Это всё позитивные характеристики. Слава Богу, негативных в моём опыте нет.

Четвёртый вопрос. Какие моменты в первый год президентства привлекли Ваше внимание как особенно успешные, какие были менее успешны?

Самые крупные заслуги Вайры как президента относятся к внешней политике. Все вышеперечисленные достоинства плюс образованность, знание языков, серьёзный опыт публичной деятельности открыли перед ней многие двери. Она делает больше, чем формально требуется от президента. Соединив в себе талант политика и женский шарм, Вайра добивается наибольшей узнаваемости Латвии и максимально благоприятного к ней отношения. Во внутренней политике она представляет собой моральную альтернативу, что очень важно для нашего расколотого общества; она способна вызвать положительные эмоции в людях самых различных взглядов.

Вначале Вайре мешал идеализированный взгляд на Латвию и происходящие здесь процессы. Возможно, она воспринимала людей и их точку зрения слишком положительно и некритично. Это можно сказать и об Институте Латвии, прозябавшем из-за некомпетентности сложившейся там команды. Кажется, сходная ситуация на первых порах возникла и в президентской канцелярии. Хотя, руководимая понятными причинами, Вайра хотела видеть своих детей в качестве советников, то была тактическая ошибка. Латвийское общество такой выбор не в состоянии оценить адекватно. Но всё это преодолено, так же как история с бронированным лимузином, гостиницей в Нью-Йорке и прочими мелкими скандалами. Рейтинг говорит сам за себя. Серьёзной политической проблемой обернулось участие Вайры в так называемом деле педофилов. Можно понять её моральную позицию, однако высказанная ею точка зрения объективно ослабляла правовые основы Латвии и косвенно послужила поддержкой политическому авантюризму. Это было чужое для неё поле боя.

Пятый вопрос. Есть ли нечто такое, о чём я не спросила, но что Вы обязательно хотели бы сказать о Вайре Вике-Фрейберге?

Что я могу сказать о Вайре? Я за неё болею. Она — мой Президент. О подобной возможности мы абстрактно рассуждали года четыре назад — теперь этот замысел воплотился конкретно.

Подобно феномену В. Вике-Фрейберги в политике, человеком года в литературе Латвии в 1999 г. стал Роальд Добровенский. Вышел в свет его фундаментальный роман "Райнис и его братья"²⁹, в котором через судьбу двух выдающихся латышских поэтов — Райниса и Аспазии — раскрыт путь образования латышской национальной культуры и государства. Только-только закончился первый год пребывания В. Вике-Фрейберги на посту президента; Роальд Добровенский в это время вместе с другими 102 писателями из 43 стран Европы путешествовал: масштабный проект "Литературный экспресс Европа 2000" предусматривал, что его участники в течение полутора месяцев проедут от Лиссабона через Мадрид, Париж, Брюссель, Санкт-Петербург, столицы трёх балтийских государств (28 июня необычный поезд был в Риге), Москву, Минск, Варшаву и Берлин; итогом поездки должна быть книга всех ста авторов, которую намечено издать на многих языках.

Мы договорились встретиться в кафе "Андалузский пёс", разговор с Роальдом была последним в целом ряду бесед, связанных с книгой, ждать его пришлось долго — и мой собеседник пришёл почти прямиком с того самого, уже знаменитого, экспресса, не успев даже открыть и прочесть полсотни посланий своих товарищей по путешествию, ожидавших его в "почтовом ящике" компьютера. Лето 2000 года было, напомним, дождливым, в тот день дождь тоже зарядил с самого утра, в кафе он вошёл с зонтиком, с которого сильно капало.

Роальд Добровенский охотно включился в разговор. Он, так же, как и Кнут Скуениекс, ответил на все предложенные мной вопросы; нумеровать их мы, однако, на этот раз не будем. Итак:

Впервые я познакомился с Вайрой Вике-Фрейбергой летом 1990 года на даче известного латышского поэта, отмечавшего в тот день свой юбилей. Я тогда уже четвёртый год работал над книгой о Райнисе, собрал множество документальных материалов, причем иной раз мне удавалось заглянуть и в книги, изданные за границей, главным образом в Стокгольме; в этом мне помогали латышские коллеги, в том числе нередко — Марис Чаклайс. К тому времени я был лично знаком только с одним "зарубежным" латышом: то был поэт Олаф Стумбрс. К слову: то был истинный поэт, крупный, красивый человек,

искренний, как ребёнок. Был он увезён из Латвии подростком лет 14, а до этого учился в школе на улице Атгазене в Риге, метрах в 50 от нашего дома. Не забуду, как однажды часа в четыре утра, загостившись у нас, он на обратном пути вдруг увидел и узнал свою родную школу — и тут же на улице исполнил какой-то импровизированный танец, соединявший в себе медвежью неуклюжесть и неожиданную грацию... Так же, как супруги Фрейберги, Олаф Стумбрс был из первых представителей латышского зарубежья, осмелившихся наладить какие-то связи с родиной. Насколько я теперь понимаю, здесь чуть не за каждым их шагом следили "искусствоведы в штатском", а первые человеческие контакты осложнялись взаимным недоверием и опаской. В эмиграции же обнаруживались свои "политруки", готовые объявить врагом латышского народа каждого, кто посмел поехать в Ригу. Крепостные валы, разделявшие два мира, старательно подновлялись с обеих сторон, и от каждого, кто пытался преодолеть эту границу, требовалась немалая отвага.

Мы довольно долго говорили тогда, в том числе и о Райнисе... Помню, Вике-Фрейбергу почему-то очень смешило русское слово "парикмахер", — откуда такое взялось? Я предположил, что слово возникло во времена петровских реформ, когда царь собственноручно отрезал бороды бояр; вместо того бритым придворным пришлось напяливать напудренные парики по тогдашнему западному обычаю, так что и сами парики, и их изготовители — "махеры" — понадобились вдруг во множестве. С тех пор я так и не удосужился заглянуть в этимологический словарь, но думаю, что вряд ли ошибся.

После этой встречи я уже не пропускал публикации Вике-Фрейберги, попадавшиеся мне на глаза.

Но окончательно знакомство моё с нею произошло, мне кажется, после того, как я прочёл две книги Вайры Вике-Фрейберги из трилогии "Trejādās saules" (Три солнца). Эрудиция, самостоятельность и смелость научных суждений, доскональное знание предмета меня не поразили: ничего другого я и не ожидал. А вот внутренняя свобода, образность и точность языка и, главное, юмор, ненавязчивый и вездесущий, — удивили и обрадовали. Читая эти книги, я даже (говорю об этом впервые) в какой-то момент подумал: а не бросить ли всё и не перевести ли их на русский язык? Но тут же понял, что задача эта невыполнима: переведенная дайна лишается тех единственных слов и их соотношений, которые во многом и послужили объектом исследования.

У меня был случай подарить книгу "Райнис и его братья" в латышском переводе Вайре Вике-Фрейберге, когда она уже была избрана президентом Латвии. Помнится, в дарственной надписи я упомянул, что её приход в президентский замок — в какой-то мере исполнение честолюбивой мечты моего героя (как известно, Райнис очень хотел и при известных обстоятельствах, пожалуй, мог бы стать президентом Латвии в двадцатых годах XX века). Во всяком случае, ни один другой президент в истории Латвии не был столь близок к тому типу человека и политика, который представлял Райнис, да и в новейшей европейской истории такие случаи наперечёт.

.. Насколько я понимаю, положение президента Латвии не из лёгких. Она должна испытывать огромное политическое давление тех сил, которые хотели бы видеть Вайру Вике-Фрейбергу главой исключительно "латышской Латвии", представляющей и принимающей во внимание лишь интересы этнических латышей и никакие другие. Между тем, по самой сути своей глава государства - фигура объединяющая; пренебречь интересами части населения Латвии значило бы, эту часть Латвии потерять. В памятном выступлении Вике-Фрейберги с балкона радиодома в Риге многие услышали ясный сигнал: Латвии нужны все те, кто готов работать и жить для её будущего.

Если говорить о мультинациональной, многоязычной Латвии, то сама мысль о возможности таковой сталкивается с ожесточённым сопротивлением. Иной раз кажется, что противоборство двух взаимоисключающих идей происходит и в самом пре-

зидентском замке, в самом президенте. Это драматическое, если не трагическое столкновение может стать движителем новейшей истории Латвии, а может сделаться и неодолимым препятствием на её пути. Будь моя воля, я бы над входом в президентский замок, да и над каждой улицей каждого города вывесил полотнище со словами Христа: "Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то" (Ев. от Марка, 3,24).

Десять адекатив о президенте?

Прежде всего, Вайра Вике-Фрейберга — человек культуры, яркий представитель национальной — латышской культуры и в неменьшей мере — воплощение культуры западной, даже не только европейской, хотя европейской по преимуществу.

Как политик она привлекла и привлекает людей своей неангажированностью, независимостью от групповых и партийных интересов. Для президента страны это — неоспоримое достоинство, притом одно из решающих.

Мышление президента, её интеллектуальная хватка — во многом плод научных занятий; подлинная наука, в конечном счёте, есть бескомпромиссный и почти всегда драматичный поиск истины.

Вайра Вике-Фрейберга — новичок в политике; в этом есть и свои хорошие стороны, и свои опасности. Бескомпромиссность, незаменимая при отстаивании научных и жизненных убеждений, не всегда уместна в политике. Смелость и прямота, столь обаятельные в частной жизни, дипломату иной раз противопоказаны. А политик столь высокого ранга не может не быть дипломатом.

Вайра Вике-Фрейберга женственна, и это прекрасно.

Президент верна своим дружбам, привязанностям, человеческим связям, что однозначно вызывает симпатию. Но в жизни государственного человека водораздел между частной жизнью и должностью должен быть абсолютным. Не в ущерб (по возможности) ни тому, ни другому.

Президент не потеряла чувства юмора. Его и нельзя терять ни в коем случае.

Президент — человек, уверенный в себе. Это "западная" уверенность в себе, включающая и некоторый, почти неуловимый, элемент саморекламы, несколько непривычный в Восточной Европе, а в данном случае уже и не нужный.

Президент умеет учиться, — завидное, а здесь и витально необходимое свойство.

Президенту пока что не удалось собрать вокруг себя людей, которые были бы, каждый в своей области, умнее и компетентнее её.

Успешнее всего Вайра Вике-Фрейберга действовала в области внешней политики. Её визиты во Францию, Германию, на Украину я бы назвал триумфальными.

Самым неудачным образом она же действовала в области внешней политики. Я говорю об отношениях с Россией. Латвия не должна ни поучать, ни воспитывать, ни наказывать Россию или какое-либо другое государство в ущерб своим интересам. Заметим,

что публично этого не позволяют себе ни США, ни Германия или Великобритания. Нельзя быть одинаково компетентным во всём. Я считаю, что в данном случае вся вина падает на внешнеполитических советников президента. Убеждён, что визит Вайры Вике-Фрейберги в Россию мог бы стать историческим поворотным пунктом в отношениях двух соседних государств и что никому другому эта задача не под силу.

В заключение Роальд Добровенский добавил буквально следующее: "Сказанное может показаться бестактным — но ведь я говорю не с г-жой Вике-Фрейбергой: я отвечаю, Аусма, со всей прямоотой на Ваши вопросы". Я, в свою очередь, передоверяю читателю ответы, данные мне. Перед началом нашего разговора Роальд Добровенский, так же как и другие мои собеседники, смотрел на меня задумчиво, и кто-то из них, помню, заметил: писать книгу о живом человеке очень трудно. Да уж, Вайра Вике-Фрейберга, без сомнения, очень живой человек, притом во многих и многообразных смыслах.

Эти беседы о президенте с виднейшими в современной Латвии людьми культуры представляются мне весьма существенными. Их видение, может быть, и не открывает Америку, но говорит о настоящем положении вещей, об очевидном, — тут, кажется, нечего ни убавить, ни прибавить. Однако в наше время виртуальных реальностей, когда кругом столько любителей как раз прибавлять и убавлять, мне хотелось схватить нечто большее, чем только настоящее положение дел; расспросить людей, видящих Вайру Вике-Фрейбергу в более широком контексте и связях.

Точно так же мне кажется существенным контекст — среда, время и настроение, при которых эти беседы происходили. О чём думают, что чувствуют, в каких отношениях с новыми реальностями Латвии люди культуры, какими видят они наше общее прошлое, настоящее и будущее? Разведывая этот путь, я ещё сомневалась — не затмит ли новый статус Вайры Вике-Фрейберги, образ президента и чрезмерный пиетет к земным властям, подобно облаку, загораживающему солнце, взгляд на её жизнь, не парализует ли мысль? Но нет, — встречи, вырванные у каждодневной спешки, были непринуждёнными, разговоры — свободными. Отдельные моменты наших бесед и высказывания собеседников я позволила себе прокомментировать, однако сказанное Имантом Зиедонисом, Джеммой Скулме, Виктором Хаусманисом, Кнутом Скуениеком и Роальдом Добровенским обозначило гораздо более широкое пространство и даёт богатый материал для раздумий, а уж расставить свои акценты и продолжить мысль в том или ином направлении — законная прерогатива читателя.

Говорить о Вайре Вике-Фрейберге — значит задевать нити, ведущие ко многим другим жизням, как в Латвии, так и в других странах. У каждого — свой рассказ о Вайре, но и в каждом есть некий объединяющий элемент, который не позволит спутать эту жизнь и судьбу ни с какой другой. В любом частном разговоре о Вайре непременно возникает имя её спутника жизни — Иманта, и вот это уже разговор о двоих, о супругах Фрейбергах. То же самое — при разговоре о её работе: без технической, информативной части проекта (и не только) невозможно было бы фундаментальное исследование мира дайн, проведенное Вайрой Вике-Фрейбергой. Разговор о Вайре и Иманте неизменно превращался также в разговор о Латвии, о той Латвии, которая живёт и в нас самих независимо от жизненных обстоятельств и политической конъюнктуры по ту или эту сторону океана.

Как подтверждают эти беседы и, конечно же, статьи, речи и книги самой В. Вике-Фрейберги, сделанное ею всегда вдохновляло и других. Заставляло искать, думать, действовать и, если даже не всем творческим импульсам было суждено сразу осуществиться, они никогда не пропадали бесследно, оставаясь точкой опоры для будущих замыслов. Так, отнюдь не легко берущийся за крупные "посторонние" работы

Роальд Добровенский признался, что после прочтения двух первых книг трилогии "Три солнца" он чуть было не решился переводить их на русский язык. В ходе моих бесед я убедилась, что с людьми дело обстоит так же, как с книгами. Как сказал писатель Габриэль Гарсиа Маркес, "мы читаем книги не затем, чтобы узнать что-то новое, а чтобы убедиться в том, что мы сами знаем". В основе основ всего — человеческий капитал, не гарантируемый никакими званиями и титулами, никаким происхождением. Человеческий капитал не прирастает за счёт других людей. Почему одному дано так много, а другому нет? Наверно, только самому Господу Богу это ведомо.

***

Вспомним: по горячим следам, сразу после избрания Вайры Вике-Фрейберги на пост президента Латвии, 6 июля 1999 года читатель газеты "Диена" Густав Андрей Гринбергс поспешил оповестить всех, что народ уже успел мифологизировать её фигуру, да и сам он появление Вайры Вике-Фрейберги на политической сцене пытался выразить в категориях мифа. Где народ мог взять материал для такого мифотворчества, если учесть, что до того в Латвии о ней знали сравнительно немногие, — непонятно. Как и почему рождаются мифы, как и почему происходит или не происходит "фольклоризация" крупной личности и является ли она неизбежной — вопросы, на которые однозначно не ответишь. Мы знаем лишь, что лицо человека преобразует время, иной раз до неузнаваемости. Мы знаем также, что мысли и наблюдения людей, обращаясь в воспоминания, меняют остроту, краски и форму. Поэтому люди и события вокруг них со временем меняются (или бывают изменены сознательно) настолько, что мало что остаётся от первоисточка. Особенно если речь идёт о выдающихся личностях, вовлечённых в политическую жизнь. Как пример можно вспомнить советский идеологически-эстетический миф о Райнисе, — демифологизации этого человека и образа посвящен роман Роальда Добровенского. То, что Вайра Вике-Фрейберга — личность, состоявшаяся задолго до своего вступления в должность президента и что её образ не нуждается в мифологизации, чтобы обрести какие-то дополнительные компоненты, отвечающие её новой роли, совершенно ясно.

Мифы, в особенности мифы идеологические, порождает и поддерживает интеллигенция, а не народ (если позволить себе расхожее противопоставление интеллигенции и народа, — но надо ли позволять? Оно явно не выдерживает критики). Мысль эта меня осенила меня в Лиелварде, в кафе, куда я зашла что-то купить. Лиелварде — место, где иным интеллигентам, говорят, мерещатся повсюду то облик Спидолы, то уши Лачплесиса. Так вот, войдя в местное кафе, я увидела в витрине свежесдобитые кондитерские изделия, которые в Латвии издавна называют "ушками". Но лиелвардские кондитеры сделали их такими большими, что никакими ушками их не назовёшь. Решив пошутить с продавщицей, я сказала: мне, пожалуйста, вон те уши Лачплесиса! Однако та меня то ли не расслышала, то ли не поняла и выставила на прилавок бутылку пива "Лачплесис". Может быть, она и не вслушивалась: какой ещё Лачплесис может быть, если не тот, что на пивной этикетке?

Народ верен не мифам, а жизненным реальностям. Осознание этого побудило меня оспорить миф о прекрасной чужестранке Вайре Вике-Фрейберге, которая там, за океаном, вскормлена чуть ли не птичьим молоком, ничего не понимает в нашей жизни. А потому пусть лучше не вмешивается в наши внутренние дела, так и так ничего не поймёт. Её дело — внешняя политика.

---

²⁶ Аусма Кантане — популярная в Латвии актриса; жена поэта Иманта Зиедониса.

²⁷ Венок — символ девичьей чести, девичества; с ним связано множество народных обычаев и фольклорных

сюжетов. (Примеч. переводчика.)

²⁸ Наплечная шерстяная шаль, принадлежность национального женского костюма. (Примеч. переводчика.)

²⁹ *Dobrovenskis R. Rainis un viņa brālī, — Rīga: Karogs, 1999. — 656 lpp.* (Имеется в виду издание на латышском языке, вышедшее в переводе Валентины Эйсуле. На языке оригинала роман опубликован тем же издательством в 2000 году).

* Так в книге. Правильно, очевидно, *Stylistics* (Примеч. оцифровщика)